

А.В. ПОЛЕТАЕВ

**КНЯЗЬ СЕМЕН ШАХОВСКОЙ
И ЕГО СИБИРСКИЕ «ЗНАКОМЦЫ»:
ФЕДОР АНДРЕЕВИЧ ШЕЛЕШПАНСКИЙ**

Круг общения в жизни литератора играет, как известно, немаловажную роль. Без выявления этого круга невозможно в полной мере постичь специфику творческой деятельности того или иного писателя. Если в исследованиях, посвященных литературе Нового времени, фактор писательского «окружения» практически всегда учитывается, то в трудах, связанных с проблемами древнерусской книжности, это сделать удастся не часто и, преимущественно, по простой причине – несопоставимо меньшему источниковому обеспечению темы.

В наше поле зрения попал ряд любопытных материалов, касающихся одного из ярчайших представителей русской интеллектуальной элиты первой половины XVII в. – князя Семена Ивановича Шаховского Хари, а также некоторых лиц, окружавших писателя во время его пребывания в Сибири в 1629–1632 гг. Эти материалы не только дают ценную информацию биографического свойства по ряду персоналий, но и позволяют внести определенную корректировку в атрибуцию отдельных литературных памятников, связанных с именем С.И. Шаховского.

События, о которых пойдет речь в данной статье, относятся ко второй поездке князя Семена в Сибирь, когда он был послан на службу воеводой в Енисейск. Однако они имеют важную для нашего повествования предысторию, что вынуждает вкратце упомянуть о первом посещении С.И. Шаховским «дальней сибирской государевой вотчины». В 1622 г. князь около двух месяцев находился в ссылке в Тобольске. Сам Шаховской в автобиографических «Домашних записках» отмечал, что был отправлен «в опалу в чужом деле и того же году пожалован, взят к Москве»¹. Под «чужим делом» писатель имел в виду «великие вины», возведенные в 7128 (1619/20) г. на нескольких человек из его семейного клана – князей Матвея, Афанасия, Андрея и Ивана Шаховских, которые однажды, будучи «в вечеру у Илейки Бочкина», разыграли опасный фарс. Хозяин и гости «затейным воровским обычаем» именовали князя Матвея «царем». Последний же, вторя шутникам, называл собравшихся своими «бояры». «За то воровство», вскрывшееся в результате извета, незадачливых игроков «в царя» велено было казнить смертью, но в отношении Шаховских смертный приговор был заменен ссылкой «в понизовые городы по тюрьмам»². Семен Иванович не имел касательства к упомянутому

«беззаконию» родственников. «Моей худости и на Москве не было в те дни», – оправдывался он позже в своем послании архиепископу Сибирскому и Тобольскому Киприану. Однако князя привлекли к следствию и, по всей видимости, обвинили в недонесении и укрывательстве. Лишним поводом для опалы явилась состоявшаяся в 1619 г. четвертая женитьба С.И. Шаховского, которая вызвала недовольство патриарха Филарета³.

М.П. Лукичев, обратившись к копиям с московско-тобольской переписки «о опалных людех», отправленных в Сибирь с 1614 по 1624 г., уточнил сроки ссылки князя Семена. В этих материалах, представляющих собой довольно объемную книгу, он нашел грамоты о ссылке С. Шаховского с указанием «быти на нашей службе в Тоболску в ряду» при поденном корме «по 2 алтына на день» (от 12.01.1622) и о «пожаловании» князя «к Москве» (от 11.03.1622), а также отписку в Приказ Казанского дворца о том, что Шаховской 19.05.1622 г., согласно государева повеления, отпущен из Тобольска в столицу⁴. Кроме того, исследователь выделил в копийном комплексе документы о ссылке в Сибирь осенью 1622 г. дворового человека князя И.А. Хворостинина, поляка Е. Заболоцкого, который, как отмечал Семен Иванович в одном из своих сочинений, сыграл немалую роль в формировании крамольных воззрений своего хозяина – собрата по перу и дальнего родственника С.И. Шаховского⁵.

При работе с означенной копийной книгой мы обнаружили в ней и другие имена, связанные различным образом с С.И. Шаховским. К таковым, в частности, относится князь Федор Андреевич Шелешпанский, известный своим акростишным посланием князю Семену («Господарю моему князю Семиону Ивановичю Ф[е]дка Шелешпанской челом биет»), в котором просит последнего о ходатайстве и заступлении⁶.

В.К. Былинин – исследователь и публикатор послания, комментируя памятник, справедливо замечает, что в строках:

«Юже имех от Бога дарованного ми разума красоту,
Сего ми оземствование мое нынешнее явило тщету...
О мне, твое благородие, непщую умилился»,

– речь идет об опале, о которой «мы не знаем... ссылке, изгнании или же о пребывании в какой “земле” (может быть, даже “земляной тюрьме”?)». Однако он считает, что 20-е гг. XVII в. для Ф.А. Шелешпанского «по всей вероятности прошли... без особых потрясений, а в конце их он мог занимать неплохое место где-нибудь в столице или неподалеку от нее». «Надо полагать... – продолжает исследователь – упомянутое неудачное “оземствование” навлекло на Шелешпанского гнев государя (?! – А.П.). Не помогла ему апелляция к только что пригретому царской

милостью князю С.И. Шаховскому, и в 1635 г. он был направлен воеводой в калмыцкий город Царев-Кокшайск⁷. С выводами В.К. Былинина о том, что назначение Ф.А. Шелешпанского, никогда (как и прочие представители рода Шелешпанских) не занимавшего сколько-нибудь заметного положения в составе Государева двора, на воеводство в Царев-Кокшайск – суть проявления царской опалы, трудно согласиться.

О каком же «оземствовании» упоминается в акростихе? Когда и где оно имело место? Почему Шелешпанский адресует просьбу о помощи именно Шаховскому? Для разрешения этих вопросов обратимся к материалам упомянутой копийной книги. Переписанная копиистом-подьячим грамота от 17 января 1624 г. к тобольским воеводам Ю.Я. Сулешеву и Ф.К. Плещееву гласит, что сосланные в 7130 (1621/22) г. «в нашей опале» «в тюрьмы на Уржум да в Кузмодемьянской» князья Федор и Семен Шелешпанские «пожалованы» и из тюрем освобождены. Братьев должны были на местах их прежнего тюремного заключения «в измене и во всяком воровстве дати на крепкие поруки» и «послати» через Казань «з женами и с людьми» в Сибирь, «в Тоболской город на житье», с поденным кормом «по гривне на день», о чем и информировались тобольские администраторы⁸.

За что Шелешпанские угодили в опалу – неизвестно, однако не исключено, что их дело было каким-то образом связано с игравшими «в царя» Шаховскими: в 7130 (1621/22) г. Захарий Быков и подьячий Семен Дохтуров составляли опись «животов» опальных князей Шаховских и Шелешпанских⁹. Вероятную взаимосвязь «вин» представителей двух княжеских фамилий можно усмотреть и в тождественности наказаний.

Так или иначе, но мы можем со всей определенностью сказать, что с начала 20-х гг. XVII в. Ф.А. Шелешпанский находился на опальном положении, и жаловаться на «оземствование» у него были веские причины. Адресуя свое послание С.И. Шаховскому, Ф.А. Шелешпанский должен был хорошо знать князя Семена, притом пребывать с ним в добрых отношениях. Учитывая всю пикантность просьбы о ходатайстве «без пестроты» (т.е. несуетливо, незаметно)¹⁰, логично предположить и другое – где-то и когда-то пути опального «челобитчика» и С.И. Шаховского пересеклись, ибо сколь бы ни казался надежным посланник, отправленный с письмом в дальнюю дорогу, перспектива передачи эпистолии адресату, когда последний находится неподалеку, всегда предпочтительней.

Предполагаемая встреча двух князей вряд ли могла иметь место в 1622 г., когда князь Федор был сослан в уржумскую тюрьму, а С.И. Шаховской возвращался из сибирской ссылки. Семен Иванович покинул

Тобольск 19 мая, и в начале лета, вероятно, достиг поволжских пределов, но путь из Сибири в Москву через Уржум в те времена не проходил. Мы не имеем в своем распоряжении данных о том, когда конкретно в 7130 (1621/22) г. Ф.А. Шелешпанский был сослан в Уржум, однако, даже если допустить, что он отправился туда весной или летом 1622 г. и что могла произойти его случайная дорожная встреча с С.И. Шаховским, то едва ли она была достаточно продолжительной для того, чтобы Федор Андреевич успел написать свое акростишное послание¹¹. К тому же Шаховской, возвращаясь из ссылки, вряд ли имел четкое представление о том, сколь благосклонно он будет принят в Москве, а, следовательно, никаких гарантий ходатайства Ф.А. Шелешпанскому дать не мог. Стало быть, послание «князя князю» обязано своим появлением другой их встрече.

Перенесемся в Сибирь, передвинув хронологическую шкалу нашего исследования на 10 лет позднее – в 1632 г. В этом году жизненные обстоятельства свели в Тобольске отпрыска князей Белозерских – князя Федора Андреевича Шелешпанского, по-прежнему прозябавшего там «на житье»¹², и сразу трех потомков князей Ярославских – князя Ивана Ивановича Шаховского Губина, находившегося в тобольской ссылке¹³, князя Юрия Ивановича Шаховского Косого, провинившегося в должности тарского воеводы в 1627–1629 гг. и задержанного в Тобольске на 4 года «в опале»¹⁴, и князя Семена Ивановича Шаховского Харю, возвращавшегося с енисейского воеводства через столицу Сибири «ко государю к Москве».

Источники предоставляют нам в означенном сюжете редкую возможность по совокупности косвенных данных говорить в утвердительном тоне о имевшем место факте – С.И. Шаховской, будучи в Тобольске, общался не только со своими двоюродным племянником и троюродным братом, но и с опальным князем Федором Шелешпанским. Для Семена Ивановича ни воеводство в Енисейске, ни пребывание в Тобольске не были ссылкой, однако князь, любивший при случае посетовать на свое «присноопальное» положение, оказавшись в обществе ссыльных родственников и Ф.А. Шелешпанского, вероятно, так же чувствовал себя обделенным «государевой милостью». Тяготы и лишения долгого путешествия до Енисейска и обратно, скука провинциального воеводства, сопряженная с изолированностью от столичной жизни, могли только укрепить в нем эти настроения. Не исключено, что в какой-то мере именно с подачи С.И. Шаховского «Книга записная» – ранняя редакция Сибирского летописного свода – включит позднее в свое повествование информацию о том, что в 1630/31–1632/33 гг. «был в Тобольску с Москвы в ссылке князь Федор Андреев сын Шелешипанской и князь Семен Харя, да князь Иван Шаховские»¹⁵.

Выдвинутый нами тезис о безопадальном пребывании в 1629–1632 гг. С.И. Шаховского в Сибири требует некоторого комментария. В историографии традиционно сложилось мнение о задержке князя Семена при возвращении его с енисейского воеводства в Тобольске «в опале». Это мнение впервые прозвучало в фундаментальной работе С.Ф. Платонова, посвященной древнерусским сочинениям о Смутном времени. Историк писал, что С.И. Шаховской в Енисейске «пробыл до начала 1631 года. Потом, в качестве опального человека, он жил в Тобольске еще около года и возвратился в Москву только в августе 1632 года»¹⁶. В «Домашних записках» С.И. Шаховского и в разрядных материалах начала 30-х гг. XVII в. (на все это ссылается С.Ф. Платонов, комментируя данный пассаж) о «тобольской опале» после воеводства князя в Енисейске ни слова не говорится. Сделать свое категоричное утверждение ученому, вероятно, позволило обращение к вышеупомянутому известию из «Книги записной»¹⁷. Версия же о пребывании князя Семена в Тобольске «около года» возникла у С.Ф. Платонова, по-видимому, в результате вычислений. Время отъезда С.И. Шаховского из Енисейска он отсчитывал с начала 1631 г. Путь оттуда в столицу обычно занимал 5–7 месяцев. Если князь появился в Москве в августе 1632 г., то в таком случае выходило, что имела место неоправданно долгая задержка писателя в Сибири. «Книга записная», казалось, давала объяснение этой задержке – Семен Иванович вместе с князьями Ф.А. Шелешпанским и И.И. Шаховским «был в Тобольску... в ссылке»¹⁸.

Ошибка С.Ф. Платонова заключалась в следующем. В начале 1631 г. (14 января) преемник Шаховского по воеводству, Ждан Васильевич Кондырев, был только назначен на службу в Енисейск¹⁹. Между назначением и составлением официального письменного «наказа» новому воеводе, как правило, проходило 10–15 дней²⁰. Еще несколько дней занимало завершение сборов в дальний путь и оформление проездных документов²¹. Таким образом, Ж.В. Кондырев в лучшем случае в конце января – феврале 1631 г. выехал из Москвы в Сибирь на смену С.И. Шаховскому. При самой «безмешкотной» дороге, к весне он успевал только достигнуть Тобольска и, вероятно, вынужден был там переждать слякоть и таяние льдов до установления «летнего пути». Стало быть, приехать раньше лета или даже начала осени в Енисейск Ж.В. Кондырев не мог. Это подтверждают документы местного делопроизводства. Так, енисейский стрелецкий сотник П. Бекетов, с отрядом служилых людей сменивший летом 7139 (1631) г. на Лене «з годовой службы» атамана И. Галкина «с товарищи», отписывал о «перемене» еще воеводе «Семену Ивановичу». В новом 7140 г. (т.е. не ранее 1 сентября 1631 г.) П. Бекетов в своей

отписке в Енисейск продублировал это сообщение, но уже на имя Ждана Васильевича, с более подробным докладом о приемке у И. Галкина «пороху и свинцу» (видимо, новый воевода требовал отчета по полной форме)²².

Едва ли у С.И. Шаховского со своим преемником сложились доверительные и дружеские отношения. Мы не знаем, сразу ли по прибытии нового воеводы покинул Семен Иванович Енисейск, или же Кондырев задержал князя, придирчиво и скрупулезно принимая «город и уезд» (на это дает прозрачный намек вышеупомянутая отписка Бекетова Кондыреву). Однако, даже если воеводская «перемена» совершилась довольно быстро, С.И. Шаховской, возвращаясь в Москву, оказывался в таком же положении, как и следовавший накануне в Енисейск Ж.В. Кондырев. Князь, явно не успевая достигнуть Тобольска до наступления осенней «распуты», вынужден был где-то переждать межсезонье до ледостава и полного снежного покрова для санной дороги²³. Приходится думать в таком случае, что писатель появился в Тобольске только зимой. Если это случилось в конце зимы 1632 г.²⁴, то логичным покажется предположение, что он решил «завесновать» в столице Сибири, не рискуя до таяния снега и вскрытия рек проделать путь из Тобольска до Верхотурья и затем «поспеть поднятца» Верхотурской дорогой «к Соли Камской»²⁵.

Какими бы причинами ни руководствовался князь Семен, оставаясь в Тобольске, должно признать, что его пребывание там было не столь длительным, как до настоящего времени предполагалось, и версия о «тобольской опале» С.И. Шаховского, базирующаяся лишь на сообщении «Книги записной», без подтверждения другими источниками на данный момент не имеет под собой достаточного основания²⁶.

Вернемся, однако, к посланию Ф.А. Шелешпанского С.И. Шаховскому. Без сомнения, Федору Андреевичу было известно кое-что из литературного творчества князя Семена (возможно, последний сам знакомил его в Тобольске с различными книжными «новинами», в том числе и со своими сочинениями).

«Ибо усерднее инех здравия твоего желаю,
Чтоб мне тем в скорбех сих отраду примати
Еже часто светоподобная писания твоя прочитати»²⁷,

– этикетно похвалает Ф.А. Шелешпанский адресата эпистолии.

Сочиняя акrostих, надеялся князь Федор, что поэтическое «челобитие» будет воспринято знаменитым литератором благосклоннее, нежели обычная «грамотка» или устная просьба, и явится более действенным «напамятованием» Семену Ивановичу о заступничестве²⁸. Бывший енисейский воевода особо не «отличился» на своей административной

должности мздоимством и казнокрадством²⁹, напротив, активно поощрял инициативы местного служилого населения по открытию новых «государевых яшашных вотчин» и составил весьма важную для правительства роспись земель к востоку от Енисейска³⁰. Опасаться холодного приема в Москве у С.И. Шаховского не было веских оснований, поэтому возможность оказать протекцию князю Федору по своем возвращении в столицу у него на сей раз имелась. Понимал, должно быть, Шелешпанский и то, что в дальнейшем у него не выпадет столь удобного, как в Тобольске, случая для передачи князю Семену своего прошения.

Учитывая вышеприведенные обстоятельства, мы можем в пространстве и во времени довольно точно расположить послание Ф.А. Шелешпанского С.И. Шаховскому. Место его написания – Тобольск, год написания – 1632. Наиболее вероятную дату «подачи» акростиha адресату следует искать в конце весны – начале лета 1632 г., когда князь Семен, по всей видимости, дождавшись установления летнего «тележного» пути, отправился в Москву.

Послание С.И. Шаховскому было не первым стихотворным опытом князя Федора. В связи с данной атрибуцией уместно вспомнить и другое сочинение, приписываемое В.К. Былининым по ряду «стилистических черт и выражений» перу Шелешпанского, – стихотворное послание князю А.Н. Трубецкому (адресат определяется по акростиhiю – «Князю Алексею Никитичю»)³². Исследователь, относя написание акростиha к началу – середине 30-х гг. XVII в., вероятно, увязывает создание памятника с тем же «оземствованным» положением Ф.А. Шелешпанского, которое выявляется в его послании С.И. Шаховскому, но полагает, что причина обращения князя Федора к А.Н. Трубецкому с просьбой похода тайствовать о себе, пребывающем «в напастех и скорбех», связана лишь с тем, что Трубецкой «был близок к царскому двору» и «позднее с 1646 по 1663 г. ... занимал весьма престижные должности»³³. Полностью соглашаясь с выводами филолога относительно авторской атрибуции этого анонимного памятника, мы считаем нужным упомянуть об одном факте, позволяющем более точно определить место и время составления эпистолии. С 22 марта 1628 г. по 31 мая 1631 г. Алексей Никитич Трубецкой находился в Тобольске в должности первого воеводы³⁴. Представляется логичным, что князь Федор, будучи в ссылке, написал свое послание, когда административные обязанности А.Н. Трубецкого на воеводстве подходили к концу³⁵. По возвращении в Москву молодой аристократ («юн сый леты, но со старейшим смыслом», – обращается к нему Ф.А. Шелешпанский) имел возможности похлопотать «без пестроты»³⁶ о судьбе Федора Андреевича.

Расчеты князя Федора на элегантность вошедшей в моду акростишной формы прошений³⁷, по всей видимости, полностью оправдались. 27 июля 1633 г. Ф. Шелешпанского «з женою и з детми и с людьми» указано было «отпустить из Сибири ис Тобольска в Казань» «на житье», и там «двор ему дати»³⁸.

Если указ о переводе Шелешпанского в Казань мы не можем рассматривать однозначно как результат протекции Семена Шаховского³⁹, то к последующим событиям в судьбе князя Федора Семен Иванович, похоже, имел прямое отношение.

1 октября 1633 г. переменилась участь многих сосланных «в дальние государевы вотчины» – умер патриарх Филарет. Сразу же после похорон «ссылочные столбцы»⁴⁰ Приказа Казанского дворца запестрели прошениями опальных о помиловании⁴¹. В числе наиболее ранних документов амнистийного цикла было совместное челобитие князей И.И. Шаховского и Ф.А. Шелешпанского (! – А.П.) о том, чтобы им, «пожалованным» государем из опалы, дали казенные подводы для возвращения из Тобольска в Москву⁴². В ответ на это челобитие в отпуске грамоты в Тобольск о «пожаловании» обоих князей была сделана приписка об указанных «против иных ссыльных людей» подводах⁴³.

Можно не сомневаться в том, что первые прошения о помиловании «для блаженные памяти» патриарха составлялись не самими ссыльными, а их «радетелями» в Москве (до сибирских городов весть о смерти «святейшего государя» дошла со значительным опозданием)⁴⁴. Кто же мог быть ходатаем за И.И. Шаховского и Ф.А. Шелешпанского? В челобитии о подводах князь Иван назван первым, притом с указанием отчества – «Ива[шко Иванов] сын Шаховской», в то время, как князь Федор – просто «Федко Шелешпан[ской]»⁴⁵. Вероятно, анонимный «радетель» не знал или «запамятовал» отчество последнего. Делопроизводители Приказа Казанского дворца, составлявшие грамоту в Тобольск о «пожаловании» князей «к Москве», тотчас усмотрели этот недочет – в отпуске грамоты над именем Ф. Шелешпанского приписано: «княж Ондреева сына»⁴⁶.

Вышеприведенный факт может свидетельствовать в пользу того, что кто-то из Шаховских (а не из Шелешпанских), взяв на себя инициативу хлопот за сородича, не забыл и о князе Федоре. Притом ходатай неплохо ориентировался в дебрях бюрократического крючкотворства Приказа Казанского дворца, зная тонкости процедуры освобождения опальных из ссылки⁴⁷. Полагаем, что этот неизвестный Шаховской, «челобитовавший» за Федора Шелешпанского, был ни кто иной, как несколько месяцев разделявший с ним пребывание в Тобольске князь Семен Иванович Харя.

Указы о помиловании опальных, вышедшие из недр московской бюрократической системы, доставлялись «с Руси в Сибирь» долго. Лишь 17 декабря 1633 г. Тобольска достигла отправленная еще до смерти Филарета грамота о переводе князя Шелешпанского «на житье в Казань». Согласно государеву повелению, тобольские администраторы А. Голицин, Д. Замыцкий, С. Копылов и Л. Полукетов 1 января 1634 г. отпустили туда князя Федора с семьей и прислугой, выдав ему поденный корм на 2 месяца (до 1 марта) с расчетом по 5 алтын на день – «по чему... давано в Тоболску»⁴⁸. Грамота о «пожаловании» князей И.И. Шаховского и Ф.А. Шелешпанского «к Москве» «ради блаженные памяти» усопшего патриарха была получена в Тобольске только 19 января 1634 г. Уже на следующий день И.И. Шаховской на казенных подводах выехал в столицу, а 11 марта самолично, как требовал порядок того времени, «подал» отписку о своем освобождении в Приказе Казанского дворца⁴⁹. Князь Федор, несмотря на то, что выехал из Сибири раньше своего «товарища» по тобольской ссылке, достиг Москвы позднее его. Прибыв 2 марта с чадами и домочадцами в Казань, он «бил челом», уверяя тамошних воевод, «что де посланы об нем... государевы другие грамоты – одна в Тоболской, а другая в Казань», согласно которым «велено ево из Сибири отпустить... к Москве», но грамота, «которая писана в Тоболской, его не застала». Документ же аналогичного содержания, адресованный казанским воеводам, последние не получили. В своей отписке они объясняли это тем, что грамота была послана в Казань с человеком П. Мансурова (второго казанского воеводы. – *А.П.*) Сенькой Ивановым, но «ево де на дороге грабили и тое грамоту взяли»⁵⁰. Учитывая сложившиеся обстоятельства, казанская коллегия (М. Годунов, П. Мансуров, С. Уготский и Ф. Рыбенский) под свою ответственность, не дожидаясь государева указа, подтверждающего «пожалование» Ф.А. Шелешпанского, отпустила князя в Москву⁵¹.

Только 26 марта Шелешпанский объявился в столице, после чего из Приказа Казанского дворца он был отправлен в Разряд для регистрации своего возвращения из ссылки⁵². На этом его многолетняя опальная эпопея закончилась. Позднее Федору Андреевичу, будучи на «государевых службах», порой самому приходилось решать административные вопросы, связанные со ссылкой в Сибирь. Так, грамотой от 30 апреля 1642 г. ему, уже чебоксарскому воеводе, повелевалось сменить конвой из 10-ти козмодемьянских стрельцов на стрельцов чебоксарских для сопровождения до Казани ссылаемых в Сибирь «на житье» Г.О. и И.Л. Плещеевых⁵³.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Домашние записки князя Семена Шаховского // Московский вестник. 1830. Ч. 5. С. 67.

² РИБ. СПб., 1884. Т. 9. Стлб. 550–551.

³ Платонов С. Ф. Древнерусские повести и сказания о Смутном времени XVII века как исторический источник // ЖМНП. 1888. № 3. С. 121–123 (далее ссылки на данную работу приводятся по этому изданию).

⁴ Лукичев М. П. Новые материалы к биографии С. И. Шаховского // Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода. М., 1982. С. 100–101. Вышеупомянутая копия книга (РГАДА. Ф. 199. № 541. Л. 1–464 об.), которую, судя по писцовой помете, «справил» тобольский подьячий «Савинко Кляпиков» (Л. 464 об.), имеет скрепу дьяка Ивана Федорова. Последний находился в столице Сибири на дьяческой должности с мая 1625 г. по март 1628 г. (ПСРЛ. Т. 36: Сибирские летописи. Ч. 1: Группа Есиповской летописи. М., 1987. С. 148, 263, 319). В этих хронологических пределах, вероятно, и были составлены копии. Ранее в источниковедческой литературе высказывалось предположение о том, что изготовление некоторых копийных комплексов (и, в частности, данной книги), возможно, было санкционировано Приказом Казанского дворца, утратившего в результате пожара 1626 г. львиную долю своих бумаг и стремившегося за счет провинциальных канцелярий частично восстановить сгоревшую документацию (см.: *Корецкий В. И., Лукичев М. П., Станиславский А. Л.* Документы о национально-освободительной борьбе в России в 1612–1613 гг. // Источниковедение отечественной истории. Сб. статей за 1989 г. М., 1989. С. 250). Такое предположение не противоречит нашим кодикологическим наблюдениям.

⁵ Лукичев М. П. Новые материалы к биографии С. И. Шаховского. С. 101.

⁶ Былинин В. К. Стихотворное послание князя князю // Литература и искусство в системе культуры. М., 1988. С. 224–229. Второе издание памятника (с ошибочным указанием – «печатается впервые») см.: *Виршевая поэзия (первая половина XVII века)* / Сост. В. К. Былинин, А. А. Илюшин. М., 1989. С. 105–107; коммент.: С. 412–413.

⁷ Там же. С. 225. Смысл исследовательского пассажа не совсем ясен. «Оземствование» (если под ним разуметь лишение свободы, заключение под стражей) нельзя назвать «неудачным» (или «удачным»). К тому же заключение есть только следствие какой-либо вины, поэтому само по себе не может «навлечь» «гнев государя».

⁸ РГАДА. Ф. 199. № 541. Л. 247 об. – 250. В копиях книги воспроизведена и отписка тобольских воевод, отправленная в Москву 24 мая 1624 г. и оповещающая о том, что братья Шелешпанские до 19 мая (дата написания отписки) из Казани «не присыланы» (Там же. Л. 433 об. – 435).

⁹ *Веселовский С. Б.* Дьяки и подьячие XV–XVII вв. М., 1975. С. 160. По всей видимости, в составе изъятых у Шаховских «животов» было и имущество князя Семена Хари. М. П. Лукичев на основании записи в одной из книг пошлинных сборов Печатного приказа принимает точку зрения С. Ф. Платонова, предполагав-

шего, что первая сибирская ссылка С.И. Шаховского сопровождалась конфискацией его имущества (см.: *Лукичев М.П.* Новые материалы к биографии С.И. Шаховского. С. 101–102.; *Платонов С.Ф.* Древнерусские повести и сказания о Смутном времени... С. 123).

¹⁰ Эта фраза читается в послании (см.: *Былинин В.К.* Стихотворное послание князя князю. С. 288).

¹¹ Мы не исключаем возможности встречи в 1622 г. Ф.А. Шелешпанского с С.И. Шаховским и при иных обстоятельствах. Если предположить, что князь Федор был сослан в Уржум в январе, то он мог следовать в ссылку одновременно (даже в одном обозе) с отправленным в Тобольск С.И. Шаховским. Однако в таком случае апелляция опального к опальному – нонсенс.

¹² Подробнее о родословии князей Шелешпанских см.: *Дворянские роды Российской империи. Т. 1. СПб., 1993. С. 300–301.*

¹³ Сын Ивана Андреевича Шаховского Губы – князь Иван Губин – приходился Семену Ивановичу Харе двоюродным племянником (см.: *Дворянские роды Российской империи. Т. 1. С. 263. Табл. № 73*). Причины опалы И.И. Шаховского нам неизвестны. Возможно, его «вина» и была косвенно связана с делом Шаховских 1619/20 г., однако Ивана Ивановича идентифицировать с Иваном Шаховским – одним из «актеров» из неудачной «пьесы» о Шаховском-«царе» и Шаховских-«боярах», нельзя. Последний 2 февраля 1634 г. вместе с князьями Матвеем, Афанасием и Андреем предстал пред «государские очи», где всем горлицедеям было объявлено прощение «для блаженных памяти» умершего патриарха Филарета (РИБ. Т. 9. Стлб. 550–551). Иван же Иванович Шаховской, также «пожалованный» из ссылки в связи со смертью «святейшего», вернулся из Тобольска в Москву только 11 марта 1634 г.

¹⁴ Князь Юрий Иванович Косой – троюродный брат Семена Ивановича Хари (см.: *Дворянские роды Российской империи. Т. 1. С. 259. Табл. № 72*). «Книга записная», являющаяся ранней редакцией Сибирского летописного свода, так повествует о событиях, приведших Ю.И. Шаховского «в опалу»: «При сих воеводах, при князе Юрье с товарищем (вторым тарским воеводой М.Ф. Кайсаровым. – *А.П.*), на Таре татара подгородные, Кочашко с товарищи, изменили государю и отъехали, и, подозревав калмыцких людей, воевали под Тарою и под Тюменью. А изменили де от их воеводского насилия. И за то они, князь Юрь с товарищем, были в Тобольску в опале от государя, четыре года жили. И во 141-м (1633. – *А.П.*) году пришел с Москвы в Тобольск государев указ: велено им с татары во всем против тотарскаго челобитья расплатиться и отпустить их к Москве» (ПСРЛ. Т. 36, ч. 1. С. 148–149).

¹⁵ Там же. С. 149.

¹⁶ *Платонов С.Ф.* Древнерусские повести и сказания о Смутном времени... С. 123–124. Попав в биографическую словарную статью (см.: *Корсаков Д.* Шаховской Семен Иванович // РБС. СПб., 1905. Т. 22. С. 586–589), положение об опале С.И. Шаховского сделалось общепринятым. Обзор его присутствия в научных работах мог бы стать предметом отдельного историографического труда, поэтому ограничимся лишь характеристикой «крайних рубежей». Некоторые

исследователи с известной долей осторожности относятся к «опальной версии» пребывания князя Семена в 1632 г. в Тобольске. Иные, напротив, склонны распространять опалу С.И. Шаховского даже на период его енисейского воеводства. В целом же утверждение С.Ф. Платонова о «тобольской ссылке» С.И. Шаховского в исследовательской литературе никогда не оспаривалось.

¹⁷ С.Ф. Платонов использовал в своей работе особый вариант этой редакции Сибирского летописного свода, опубликованный Н.И. Новиковым под названием «Записки, к сибирской истории служащие» (ДРВ. 2-е изд. М., 1788. Ч. 3. С. 104–288).

¹⁸ Там же. С. 149–150. Р.Г. Скрынников, вероятно не зная того, что текст «Книги записной» о «тобольской опале» С.И. Шаховского был известен еще С.Ф. Платонову, заново «открыл» его, считая, что этот летописный фрагмент «позволяет заполнить (в другом изложении «восполнить». – А.П.)... пробел» в биографии С.И. Шаховского, ибо последний в «Домашних записках» «не обмолвился о своей новой ссылке» (*Скрынников Р.Г. Ранние сибирские летописи // История СССР. 1979. № 4. С. 92; Он же. Сибирская экспедиция Ермака. 2-е изд., испр. и доп. Новосибирск, 1986. С. 30.*

¹⁹ «Того ж году (7139, т.е. 1631. – А.П.) месяца генваря в 14 день государь... указал быти на своей государеве службе в Сибири... в Енисейском – Ждан Васильев сын Кондырев на Семеново место Шеховского» (Дворцовые разряды. СПб., 1851. Т. 2. Стлб. 184–186).

²⁰ *Вершинин Е.В. Воеводское управление в Сибири (XVII век). Екатеринбург, 1998. С. 150.*

²¹ Памяти в Ямской приказ о выдаче подвод и проездные документы, как правило, имеют более позднюю датировку, чем бумаги наказного характера.

²² Актные источники по истории России и Сибири XVI–XVIII веков в фондах Г.Ф. Миллера. Описи копийных книг. Т. 2. (История Сибири. Первоисточники. Вып. V). Новосибирск, 1995. С. 73; *Никитин Н.И. Сибирская эпопея XVII в. М., 1987. С. 29.*

²³ Путь из Енисейска в Тобольск лежал через Кетск, Нарым и Сургут.

²⁴ Не следует забывать о том, что мы пользуемся хронологией источников XVII в. При переводе данного события в григорианскую временную систему его сроки еще более сдвигаются к весне.

²⁵ «Чрезкаменный» перевал на этой дороге считался едва ли не самым сложным участком, поэтому тобольяне поздней зимой или ранней весной, как правило, не рисковали отправляться за Уральский хребет. Так, например, вдова опального костромского протопопа Федота Мавра, 3 марта 1634 г. получившая в Тобольске разрешение выехать из ссылки с детьми и телом умершего мужа (последний завещал себя похоронить в Троице-Сергиевом монастыре), не решилась отправиться «к Руси». Протопопица была вынуждена «челобитовать» об отсрочке выдачи положенных ей для возвращения из ссылки казенных подвод, ибо с бумажной волокитой «государев указ пришел поздно – приспел путь вешней[ей] и ... через Верхотурской волок зимним путем не поспети». Ее муж Федот, умерший 25 октября 1633 г., был уже похоронен в Тобольске «мирским погребением» (он

находился в пятилетнем «запрещенье» священнодействовать). Выхать на Русь следующим летом с выкопанным из земли гробом не представлялось возможным, поэтому многострадальная вдова только в декабре 1634 г. (новым «зимним путем») смогла покинуть Тобольск, а в феврале 1635 г., вероятно, выполнила «обещанье» супругу – дворовый человек покойного протопопа 20.02.1635 г. «подал» отписки тобольских воевод и архиепископа о возвращении Мавры из ссылки в Приказе Казанского дворца (РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стлб. 162. Л. 209–224).

²⁶ Тонкая природа летописей заставляет чрезвычайно осторожно относиться к материалу, в них содержащемуся. Поэтому вопрос о возникновении в «Книге записной» упомянутого известия требует дальнейшего тщательного исследования истории текста памятника.

²⁷ Виршевая поэзия. С. 106.

²⁸ Сопричастность к поэзии, общее пристрастие к изящному «любомудрию» объединяет русских стихотворцев XVII в. в своеобразный «духовный союз», который «осознает свою культурную автономию, представляет себя как замкнутую корпорацию» (Ланченко А. М. Русская стихотворная культура XVII века. Л., 1973. С. 50).

²⁹ Известно, что С. И. Шаховского обвиняли в незаконном «кабалении» енисейских крестьян (см.: Александров В. А., Покровский Н. Н. Власть и общество. Сибирь в XVII в. Новосибирск, 1991. С. 135), однако это не связанное напрямую с интересами «государевой казны» деяние кажется детской шалостью при сравнении с безудержным «воровством» сибирских воевод (о некотором своеволии князя на енисейском воеводстве см. в статье И. Л. Маньковой в настоящем сборнике). В отношении енисейской службы писателя производились и какие-то «обыски» «о насильстве ево, князь Семенове, торговым людем», но Шаховской, по-видимому, смог оправдаться (Описи архива Разрядного приказа XVII в. / Сост. К. В. Петров. СПб., 2001. С. 534). Возникает вопрос: не проходили ли эти «обыски» в 1632 г. в Тобольске? Даже если это и так, то тобольское пребывание князя Семена можно называть лишь «задержкой», но ни в коем случае не «опалой».

³⁰ Никитин Н. И. Сибирская эпопея XVII века. С. 29.; Бахрушин С. В. Научные труды. М., 1955. Т. 3, ч. 1. С. 121. Позднее, в 1644 г., С. И. Шаховской был поощрен за то, «что он, будучи в Сибири в Енисейском остроге, великого государя казне перед прежними воеводы учинил прибыль» (Описи архива Разрядного приказа XVII в. С. 523, 528, 534). К денежному окладу князя Семена за эту службу было добавлено «придачи тридцать девять рублей» (Лукичев М. П. Новые материалы к биографии С. И. Шаховского. С. 102).

³¹ В. К. Былинин определяет время создания памятника 1633–1634 гг. (Былинин В. К. Стихотворное послание князя князю. С. 225.; Виршевая поэзия... С. 412).

³² Виршевая поэзия. С. 106–107, 413.

³³ Там же. С. 413.

³⁴ ПСРЛ. Т. 36, ч. 1. С. 149, 197, 263, 320, 347, 371.

³⁵ Любопытно отметить, что в сборнике XVII в., содержащем это сочинение (РГБ. Собр. И. К. Андропова. № 2), оно непосредственно предшествует посланию

Ф.А. Шелешпанского С.И. Шаховскому. В.К. Былинин публикует памятники в обратном порядке (см.: *Виршевая поэзия...* С. 105–107).

³⁶ Эта фраза, как и в послании Ф.А. Шелешпанского С.И. Шаховскому, читается в данной эпистолии (см.: *Виршевая поэзия...* С. 107, 413).

³⁷ С конца 20-х – начала 30-х гг. XVII в. «краегранесия» (акростишия) уверенно вошли в обиход московских интеллектуалов, что отражало общий подъем интереса литераторов к стихотворству. Именно «в последние годы патриаршества Филарета, – по мнению А.М. Панченко, – в России складывается целая поэтическая школа, которая чрезвычайно активно функционировала два десятилетия» (*Панченко А.М. Русская стихотворная культура XVII века.* С. 34).

³⁸ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стлб. 162. Л. 54–54 об. (27 июля 1633 г. – дата написания грамоты, направленной в Казань. Вероятно, этим же числом была помечена грамота о Ф.А. Шелешпанском, адресованная тобольским воеводам).

³⁹ Данному «пожалованию» могли содействовать и князь А.Н. Трубецкой, и родственники князя Ф.А. Шелешпанского. Лишний раз напомнить последним о своем бедственном существовании князь Федор, например, имел возможность через родного дядю – Семена Ивановича Шелешпанского, назначенного 11 октября 1632 г. на сибирское воеводство в Кетск (см.: *Вершинин Е.В. Воеводское управление Сибири...* С. 158). С.И. Шелешпанский, проезжая зимой 1632/33 г. через Тобольск, вероятно, не упустил случая пообщаться с племянником, и в дальнейшем, пользуясь удобством официального почтового канала, в переписке мог поставить перед родственным кланом вопрос о необходимости активизации хлопот по делу князя Федора. К тому же с 30-х гг. XVII в. в московских приказных кругах (и в среде столичных «книголюбцев»). – *А.П.* начинает выделяться своеобразное тобольское землячество, при посредстве которого хлопоты за Ф.А. Шелешпанского могли проходить в прямом смысле «без пестроты». Так, весной 1632 г. в подъячие Приказа Казанского дворца был определен Семен (Третьяк) Васильев (будущий дьяк, принявший постриг в Чудовом монастыре под именем Савватия), в 20-х гг. XVII в. начинавший свою бюрократическую карьеру в Тобольской приказной избе и известный, кстати, своей перепиской с С.И. Шаховским и А.Н. Трубецким (*Веселовский С.Б. Дьяки и подъячие XV–XVII вв.* С. 86–87; *Зиборов В.К., Яковлев В.В. Савватий // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 3 (XVII в.). Ч. 3: П–С. СПб., 1998.* С. 327–329). Другой тобольский подъячий – Агафон Тимофеев, в 1631/32 г. был вызван в Москву «быти... на Печатном дворе у книжной справки». Племянник А. Тимофеева – Григорий Анисимов (в прошлом – книжный редактор, принимавший даже участие в догматическом диспуте с киевским богословом Лаврентием Зизанием), служил с 1627 г. в Приказе Казанского дворца. В это ведомство в 1638 г. переводится и А. Тимофеев (*Веселовский С.Б. Дьяки и подъячие XV–XVII вв.* С. 513; *Виршевая поэзия.* С. 438–439). В.К. Былинин, публикуя послание Ф.А. Шелешпанского С.И. Шаховскому, отмечает, что к тексту памятника «ближе всего... стоит акростишное послание подъячего Агафона Тимофеева «Господарю Борису Ивановичу» (Морозову), помещенное в той же рукописи» (*Былинин В.К. Стихотворное послание князя князю.* С. 229; ср. тексты: *Виршевая поэзия.* С. 105–107, 228–229).

⁴⁰ Это самоназвание. Столбцы, тематически связанные со ссылкой в Сибирь, в делопроизводстве Приказа Казанского дворца (позднее – Сибирского приказа) на оборотах, как правило, имеют пометы: «стол[п] ссыл[очной] 134 и 135-го», «ссылочной» (РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стлб. 7. Л. 43 об., 49 об.), «ссылошный столп» (Стлб. 23. Л. 72 об.), «столп ссылочн[ой]. 143-й год» (Стлб. 59. Л. 188 об.) и т.д. Впервые охарактеризовал документы «ссылочного» содержания Н.Н. Оглоблин, дав роспись состава одного из таких столбцов (см.: *Оглоблин Н.Н. Обзорение столбцов и книг Сибирского приказа. Ч. 3. М., 1900. С. 56–61*).

⁴¹ Указы о «пожаловании» в связи со смертью патриарха отмечаются уже с 3 октября. Первые челобитные опальных имеют пометы от 8–9 октября. Поспешность, с которой началась амнистия, как кажется, имеет церковно-каноническое объяснение. Для спасения души «новопреставльшегося» чрезвычайно важную роль играют его поминания в первые 40 дней после смерти. Именно на протяжении этого периода совершается «сорокоуст» – главный заупокойный молитвенный цикл. Естественным его окружением является раздача щедрой милостыни и прощение недругов покойного.

⁴² РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стлб. 162. Л. 53–53 об. Помета на обороте – «послати память» (в Ямской приказ о подводах. – *А.П.*) – имеет дату: 14 октября 1633 г. Документу должны были предшествовать челобитные, написанные от имени князей, с просьбой о «пожаловании». Однако в составе столбца они отсутствуют.

⁴³ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стлб. 162. Л. 52–52 об. Отпуск помечен октябрём 1633 г. (без числа). Оригинал грамоты в Тобольск о «пожаловании» князей к моменту подачи челобития о выдаче подвод, судя по всему, еще не был изготовлен, что позволило внести в текст данную корректировку.

⁴⁴ Надо думать, что новость о преставлении верховного архипастыря сибиряки получили не ранее середины декабря. По крайней мере, 25 ноября (спустя почти 2 месяца после смерти патриарха) архиепископ Сибирский и Тобольский Макарий еще не знал о случившемся, адресуя отписку «святейшему» (РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стлб. 162. Л. 209–210). Служилые люди из разных сибирских городов, находившиеся на момент смерти Филарета в Москве, выехали большим отрядом в Сибирь в 10-х числах октября и достигли Тобольска не скоро. Осенние дороги и партия конвоируемых «колодников» изрядно сдерживали продвижение. Первые (известные нам) грамоты о прощении опальных «для блаженные памяти» Филарета Никитича были привезены в Тобольск (вероятно, этим же отрядом служилых людей) только 31 декабря 1633 г. (РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стлб. 162. Л. 238–241, 247–251 и сл.).

⁴⁵ Там же. Л. 53.

⁴⁶ Там же. Л. 52.

⁴⁷ Инкогнито подстраховал князей – «челобитчиков» прошением о подводах, наверняка зная, что сибирские администраторы подчас отказывались выдавать возвращавшимся из опалы казенный транспорт, если в грамотах на сей счет отсутствовали директивы. Некоторые ссыльные, получив «пожалование», вынуждены были вновь составлять челобитные, испрашивая у государя «подводки» – «на чом поднятца», порой еще многие месяцы оставались в Сибири. Пока-

зательным примером в этом отношении является небезызвестный сибиреведам Я.О. Тухачевский, также «пожалованный ко государю к Москве» из сибирской ссылки «для блаженные памяти» почившего патриарха. Тухачевский дважды (в 1635 и 1636 гг.) подавал челобития о подводах, апеллируя, в частности, к тому, что иные ссыльные, «наша братия» – дворяне – «в Тоболске князь Иван Шеховской да князь Федор Шелиспанской... а в Томском городе Андрей Просовецкой» для выезда в Москву казенные подводы получали (РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стлб. 55. Л. 49–50 об.). О Я.О. Тухачевском следует сказать особо, так как некоторые бытующие в историографии представления о нем требуют определенной корректировки. В частности, принято считать, что «продвинул Тухачевского вверх по служебной лестнице» – на воеводские должности, успех возглавляемого им в 1634 г. посольства «в Мунгальскую землю» к Алтын-хану (*Резун Д.Я.* Родословная сибирских фамилий: История Сибири в биографиях и родословных. Новосибирск, 1993. С. 193). На самом деле взлетом своей сибирской карьеры Я.О. Тухачевский был обязан прежде всего тому, что в декабре 1635 г. он был официально прощен «из опалы» «к Москве». Хотя, разумеется, в Приказе Казанского дворца при решении судьбы Якова Остафьевича учли его дипломатические заслуги – о них упоминал Тухачевский в своем челобитии о «пожаловании» (РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стлб. 55. Л. 44–46). Испрашивая у государя подводы и приводя в пример «наша братия» – князей И. Шаховского и Ф. Шелешпанского, «смоляннин» Тухачевский явно блефовал. Ему, сосланному в феврале 1629 г. в Томск «за ево многое воровство, за прежнее и за нынешнее, как был с воеводами в Большом полку в Украинном розряде 136-го году», выдача подвод не предусматривалась. Тухачевский служил в Томске без государева оклада – «с своего поместья и с вотчины, что ныне за ним», являя собой довольно редкий, хотя отнюдь не единичный случай устройства в Сибири опальных «служилых по отечеству» (РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стлб. 23. Л. 39–41, 48–52). Настойчивость бывшего смоленского дворянина дала, однако, свои плоды. Повторное его челобитие было выписано в доклад, и в марте 1636 г. «государь, слушав сей выписки, пожаловал»: вместо положенных дворянам 4-х подвод, указано было для возвращения в Москву «дать Якову Тухачевскому две подводы потому, что у Якова поместья и вотчины не взяты» (РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стлб. 55. Л. 49–52).

⁴⁸ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стлб. 162. Л. 55–57.

⁴⁹ Там же. Л. 153–155.

⁵⁰ Текст отнятой разбойниками у С. Иванова грамоты в Казань, сохранившийся в отпуске грамоты, датирован 11 (исправлено из «9») октября 1633 г. (РГАДА. Ф. 214. Стлб. 162. Л. 54–54 об.). Разбойничьи ватаги, орудовавшие на пути «с Руси в Сибирь», сотни раз грабили проезжих торговых, промышленных и служилых людей. Однако случаи отъема «государевых» бумаг довольно редки. Работники кистеня и дубины, обирая «животы» путников, предпочитали не связываться с грамотами и отписками – отчасти потому, что в бумагах не было для них особой корысти, отчасти, вероятно, по старинной русской традиции держаться подальше от всего казенного. Так, например, 22 сентября 1635 г. томские служилые люди – сын боярский Федор Пушин «с товарищи», вынужденные

оправдываться перед руководством Приказа Казанского дворца, почему на ящике с воеводскими отписками, привезенными ими из Сибири, сорвана «государева печать», «в допросе сказали: как де они посланы ис Томского с отписки, и на дороге де их, от Устья Великого на Сухоне реке, промеж Копыловым и меж Юрменги, розбили розбойники, и у ящика де государеву печать, в котором были ис Томского отписки, оторвали. А отписок ис того ящика ничево не взяли – толко в ящик посмотрели, да и назад отдали им, Федору с товарищи» (РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стлб. 49. Л. 114–114об.).

⁵¹ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стлб. 162. Д. 289–290. О младшем брате князя Федора – Семене Андреевиче Шелешпанском – в «ссылочных столбцах» сведений нами не обнаружено.

⁵² Там же. Л. 289 об.

⁵³ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стлб. 206. Л. 190. Г.О. Плещеев-Подрез ссылался «за воровство» в Томск, а И.Л. Плещеев – «за многое воровство и за воровство» в Мангазею. Вместо обычного для ссыльных конвоя – сибирских служилых людей, возвращавшихся из столицы к местам проживания, Плещеевых, как особо опасных преступников, сопровождали «московские пристава», «в прибавку» к которым указано было давать «от города до города» дополнительную охрану – по 5 человек к каждому. Григория и Ивашку (последний называется «полумяцем») везли в ссылку «на розных судах» с запрещением «вместе сходитца», чтобы между собой «розговаривать ... ни о чом отнюдь не давать». Следует отметить, что Ивашко Плещеев, как и вышеупомянутый Я.О. Тухачевский, ссылался в Сибирь за свой счет – положенного ссылавшимся «на житье» поденного корма «государь давать не указал потому, что у отца его, у Левки, поместья и вотчины и животы не отняты» (Там же. Л. 166–221).

Д.А. Редин

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ ГЛАЗАМИ УРАЛЬСКИХ ЗАВОДОВЛАДЕЛЬЦЕВ («ИЗЪЯСНЕНИЯ» 1763 г.)

Изучение экономической политики самодержавия во второй половине XVIII в. всегда представляло большой интерес для понимания общего состояния России в данный период. Самым длительным и насыщенным событиями царствованием этого времени было царствование Екатерины II. С некоторыми оговорками вторую половину XVIII в. можно отождествлять с екатерининской эпохой. Общеизвестно, что начало екатерининской эпохи ознаменовалось попыткой проведения широкомасштабных реформ, заявленных в духе идей европейских философов-рационалистов. Среди важнейших задач преобразований неизменно деклари-